

Манойло А.В.

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОПОРЯДКА НА ПЛАТФОРМЕ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ НООСФЕРНОЙ ПОЛИТИКИ И ИДЕОЛОГИИ НООВИТИЗМА

Аннотация: настоящая статья посвящена исследованию тенденций и закономерностей формирования многополярного мира на платформе российской модели ноосферной политики и идеологии ноовитизма. Современный мир переживает эпоху глобальных изменений, сопровождающихся распадом Вестфальской системы, нарастанием глобальной политической нестабильности, переконфигурированием сложившейся в послевоенном мире системы международных отношений, международно-правовым нигилизмом, девальвацией ценностей и понижением роли международных институтов, таких как ООН. В этих условиях необходимо выработать новую платформу для глобального объединения и интеграции, на прочном фундаменте которой можно выстроить новую архитектуру международных отношений и новый дизайн международных институтов, отвечающих реалиям формирующегося многополярного мира. Методология исследования основывается на системном, сравнительно-политическом, системно-функциональном, институциональном и ноосферном подходах к исследованию международных отношений и мировой политики. Концептуальной и идеологической платформой формирования нового миропорядка в условиях нарастающей политической нестабильности, обострения глобальных проблем и угроз, роста числа международных конфликтов и новой волны цветных революций может выступить ноосферное учение В.И. Вернадского, воплотившее в себе систему ценностей российской цивилизации, практическое воплощение которой в политике раскрывает концепция ноовитизма.

Review: The present article is devoted to studying tendencies and patterns of formation of a multipolar world based on the platform of the Russian model of noospheric policy and ideology of noovitism. Modern world is going through the epoch of global transformations accompanied with the decay of the Westphalian system, increasing global political instability, reconfiguration of the traditional system of international relations that was established in the post-war world, international law nihilism, depreciation of values and decreasing role of international institutions such as the United Nations organization. Under such conditions it is necessary to create a new platform for the global unification and integration processes. Based on that platform it will be possible to build a new architecture of international relations and a new design of international institutions in accordance with the realities of the multipolar world being formed. Research methodology is based on the systems, comparative law, systems functional, institutional and noospheric approaches to studying international relations and global policy. Conceptual and ideological platform for formation of a new world order under the conditions of increasing political instability, aggravation of global problems and threats and growing number of international conflicts as well as a new wave of color revolutions can be the noospheric teaching of V. I. Vernadsky who presented the system of values of the Russian civilization in his teaching. Practical implementation of his teaching in politics is the concept of noovitism.

Ключевые слова: Политика, Общество, международные отношения, ноосфера, многополярный мир, ноовитизм, цивилизация, культура, безопасность, политические традиции.

Keywords: politics, society, international relations, noosphere, multipolar world, noovitism, civilization, culture, security, political traditions.

В последнее время все большее количество российских и зарубежных экспертов отмечают, что современный мир переживает эпоху кардинальных изменений, в результате которых формируется новый миропорядок, идущий на смену классической Вестфальской системе. Эти процессы вызывают не только революционные изменения в сложившихся архитектуре и институциональном дизайне международных отношений, но и серьезные сдвиги в коллективном мировоззрении крупнейших мировых наций, реализующих свои национальные интересы в глобальном мире с помощью специальных акторов вестфальской системы – наций-государств. Повсеместно в современном мире происходит смена взглядов на ключевые вопросы и проблемы международных отношений, глобального и регионального развития; изменение и переоценка традиционных ценностей, вплоть до девальвации, включая такие фундаментальные ценности как права и свободы демократического общества, институты демократического мира; смена парадигм эволюционного развития современного общества, в результате которой приходят альтернативные концепции и идеи, основанные на движении к всеобщему порядку через стимулирование анархии в международных отношениях и насаждения управляемого хаоса. Продвигаемые по всему миру англосаксами и их последователями из числа западных стран, так называемые демократические (либерально-демократические) ценности, будучи оторванными от их носителей – североамериканских англосаксов (их попросту не хватает на все страны, где они стремятся насадить демократию собственно модели), переходят в состояние свободного дрейфа (по мнению Вендта и других американских политических конструктивистов¹), свободно проникая через границы суверенных государств и охватывая все новые территории, но при этом этот дрейф часто носит характер хаотического броуновского движения. В ответ на настойчивые попытки принудительной демократизации и навязывания американского образа жизни, сообщества, относящиеся к традиционному восточному типу и построенные по племенному, родовому и общинному принципу, активно возрождают архаические и давно уже ушедшие в историю методы

и механизмы конфликтной мобилизации, способные противостоять новым вызовам и внешним угрозам, направленным на разрушение их собственной уникальной идентичности. Принудительная демократизация восточных обществ (в Ираке, Афганистане и др.) ведет к возрождению сильнейших общинных механизмов самозащиты, которые американцы стремятся разрушить, погружая регионы мира в «управляемый хаос» – способ, прямо противоречащий их стремлению унифицировать мир и привести его к светлому будущему, объединив в рамках единой для всех анций и народов системы ценностей и системы институтов «демократического мира». Эта противоречивость глобальной политики США позволяет поставить на повестку дня вопрос о разумности политического курса, проводимого блоком западных стран, и присутствию (или отсутствию) в нем элементов здравого смысла – фундаментального концепта ноосферной политики и идеологии разумной жизни – ноовитизма.

Процесс формирования этого миропорядка сопровождается возникновением новых полюсов, выступающих новыми центрами притяжения движущих сил мировой политики и составляющих острую конкуренцию американоцентричной концепции однополярного мира, на время победившей после окончания холодной войны. Центрами этих полюсов выступают так называемые «новые гиганты» мировой политики – стремительно набирающие силу развивающиеся страны, в период глобального противостояния СССР и США находившиеся на периферии линий геополитической напряженности и основных фронтов холодной войны.

Парадигма многополярного мира предполагает приход в мировую политику нового мировоззрения, основанного на принципах разумной достаточности и сбалансированности глобальной политики великих держав, выступающих в роли мировых полюсов или тяготеющих к тому или иному мировому центру силы. Многополярный мир предполагает создание гибкой системы политических полюсов – центров притяжения мировой политики, соединенных между собой множеством гибких и эластичных связей. В случае деформации такой системы в результате воздействия внешнего фактора (угрозы) или разрушения одного из полюсов эти связи не разрываются, а принимают новую форму, и мировая система. Основанная на архитектуре многополярности, впоследствии сравнительно легко восстанавливает свою исходную форму. Это ее принципиально отличает от концентричной систе-

¹ *Wendt A. Anarchy is What States Make of It: the Social Construction of Power Politics // International Organization. – Vol.46, no.2. – Spring 1992. – P.391-425.*

Политика и общество 4 (112) • 2014

мы, существовавшей в эпоху однополярного мира, когда кризис, охвативший единственный полюс, был способен разрушить всю систему, вызывая процессы распада вертикально-выстроенных связей между «мировым центром принятия политических решений» (в роли которого долгое время выступали США) и подчиненными элементами (ступенями) из числа иных авторов международных отношений, поддерживающих глобальную политику Вашингтона или вынужденных с нею мириться. Финансовый кризис 2007-09 гг. наглядно показал, насколько непрочным может стать мировой миропорядок, опирающийся только на один полюс. В этом плане многополярная система, структурно намного более сложная и многофакторная, на практике является более гибкой по отношению к новым вызовам и угрозам и лучше исполняет функции обеспечения глобальной безопасности и стабильности, хотя и требует постоянного реформирования, модернизации и ревизии форм и механизмов выработки коллективных управленческих решений, лежащих в ее основе. Эта система является более разумно устроенной, более точно отвечающей требованиям здравого смысла, возвращающегося в мировую политику в виде ноосферной компоненты, идеологии разумного устройства мира, разумной политики, «умной силы» и ноовитизма. Преимущества такой формы организации системы международных отношений вынуждены признать даже страны, традиционно придерживающиеся политики неприсоединения, лавирования между мировыми центрами силы, вступления во временные альянсы в зависимости от текущей конъюнктуры и решаемых текущих задач. Все чаще основным аргументом при выборе того или иного варианта дизайна международных отношений выступает не принцип политической целесообразности, столь любимый и практикуемый американскими неореалистами, а принцип разумности, гармонии материального и духовного (ценностного) мира, основанной на ноосферном мышлении и гарантирующей разумное устройство и организацию жизни как отдельной индивидуальной личности, так и всего современного общества в целом. Любопытно, что многие из этих идей, не потерявших своей актуальности за почти сто лет, можно найти в работах В.И. Вернадского, посвященных ноосферному принципу организации общества². Формируемый

ими нравственно-идеологический фундамент сегодня становится чрезвычайно востребованным в современном обществе либерально-демократического типа, переживающем затяжной финансовый, экономический и духовно-нравственный кризис.

В последнее время ведущие американские, западноевропейские и российские ученые и эксперты все чаще обращают свое внимание на то, какими именно инструментами сегодня создается новый мировой порядок, формируется его архитектура, проектируется институциональный дизайн, внедряются в сознание граждан новые концепты общемировой идеологии. Очевидно, что прямое силовое принуждение, осуществляемое одними государствами в отношении других, или коллективное принуждение, осуществляемое уполномоченными государствами-агентами в соответствии с мандатом, выбранным Советом Безопасности ООН, – излюбленная американская «жесткая сила» – уже не может служить основным инструментом эволюционных и революционных изменений, поскольку в условиях стремительно усложняющейся архитектуры международных отношений эффективным может быть только тот инструмент, который способен воздействовать на эту систему, не разрушая ее структуры и не нарушая связей между ее элементами. Жесткая сила таким инструментом в силу ряда причин, быть не может: она слишком прямолинейна, не учитывает «местные нюансы» (то есть культурно-цивилизационное многообразие тех социальных сред, в которых происходит формирование тех или иных элементов и конфигураций новой системы международных отношений) и не может обеспечить результат, который бы сохранялся неизменным в течение длительного времени и в условиях отсутствия постоянной силовой поддержки. Политический прагматизм, исповедуемый американскими неореалистами, на деле оборачивается процессом базарного торга, в котором разумные основания тех или иных решений нередко сознательно отменяются либо игнорируются в угоду частным интересам и сиюминутным выгодам. В этих условиях на передний план выдвигается такой инструмент политического воздействия и движущая сила социально-политических преобразований современного мира как «мягкая сила». Этот инструмент базируется не на силовом факторе, а на технологиях «мягкого» информационно-психологического воздействия на индивидуальное сознание граждан и на коллективное (массовое) сознание общества на уровне отдельных стран, наций и международного сообщества в целом.

² См.: *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетное явление. – М.: «Наука», 1991; *Козиков И. А.*, Филос. воззрения В. И. Вернадского, М., 1963.

Сам термин «мягкая сила» обсуждается уже более 20 лет, со времени его введения Джозефом Наем³, и прошел несколько «пиков» популярности и в России, и за рубежом. Можно согласиться с мнением А.В. Будаева в том, в трактовке Дж. Ная и его последователей-неолибералов мягкая сила – это способность управлять политическим сознанием и поведением соперников путем воздействия на их системы ценностей, мировоззрение и культурно-цивилизационные архетипы⁴. В американском интеллектуально-политическом сообществе всплески интереса к термину и стоящим за ним реалиям можно связать с флуктуациями в динамике американского лидерства. Возникнув сразу после окончания холодной войны, этот концепт отразил надежды на окончание тяжелого периода конфронтации, военно-силового противостояния двух сверхдержав, переход к более гибким моделям международной конкуренции. Возвращение к проблематике мягкой силы в конце 90-х-начале 2000-х гг. можно связать с разочарованием итогами первого десятилетия «однополярного момента», фрустрацией «одиноким сверхдержавы», так и не сумевшей стать «привлекательным» гегемоном⁵. Наконец, интерес к теме, вновь проявившийся в 2006-2008 гг., может быть объяснен компенсаторными механизмами, сработавшими после неоконсервативного периода внешней политики США, отягощенного крупными военными операциями и беспрецедентными репутационными потерями в новейшей истории Соединенных Штатов.

За пределами США категория «мягкой силы» получила широкое распространение в концептуальных построениях и стратегических инициативах прежде всего новых претендентов на лидерство в мировой политике – Европейского союза⁶,

Китайской народной республики⁷, Индии⁸. Можно утверждать, что концепция «мягкой мощи» стала одной из наиболее популярных и в международно-политическом дискурсе, и в практике борьбы за власть и влияние на международной арене последних двух десятилетий.

Инструменты и технологии мягкой силы осуществляют управление массовым сознанием и поведением различных слоев общества, политических элит и групп интересов, воздействуя на их системы ценностей, внедряя в сознание собственные ценности (например, ценности демократического мира) и соответствующие им императивы политического поведения. И действие в условиях формирования многополярного мира и эрозии Вестфальской системы оказывается чрезвычайно эффективным: в тех ситуациях, когда система международных отношений и действующие в ее структуре механизмы обеспечения международной безопасности блокируют попытки отдельных великих (и не очень) держав утвердить свои интересы с помощью жесткой силы, мягкая сила без труда преодолевает эти барьеры и проникает до конечной цели поражения – психики человека, обеспечивая его добровольную подчиняемость и послушное следование директивам, поступающим со стороны архитекторов и сценаристов мягкой силы. Все это вызывает протест цивилизованной части общества, которые выступают за такое глобальное управление, в котором решающую роль играл бы коллективный человеческий разум, ноосферный фактор, разумный уклад жизни, а не технологии манипулирования сознанием.

Россия при этом не является исключением: в современной России также набирает популярность концепция «мягкой силы», которой, однако, российская сторона дает собственное прочтение и интерпретацию. В нормативно-правовом аспекте российское определение «мягкой силы» впервые появилось в новой редакции Концепции внешней политики России в фев-

³ Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1991. – 336 p.

⁴ Будаев А.В. Роль «мягкой силы» во внешней политике России (на примере российско-бразильских отношений). Автореферат дисс... канд. полит. наук. М.: ДА МИД РФ, 2014.

⁵ Nye J.S. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York, 2004. – 192 p.

⁶ Song L. The Discourse of EU's Power and its Mediterranean Policy // Fudan University. – P. 1 – 15. – www.garnet-eu.org/fileadmin/documents/phd_school/6th.../Lilei.pdf

⁷ Cui Liru China's Rise vs. International Order Evolution // China Institutes of Contemporary International Relations. – № 18 (1), 2008. – http://www.cicir.ac.cn/tbsems/module_gjgx/layernext.asp?rid=xdgigx_en&count=3&index0=16&index1=1; Лю Цзайци «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. Политические исследования. – №4, 2009. – С. 149 – 155.

⁸ Raghavan V.R. Soft Power in the Asia Pacific // The Stanley Foundation, 31.05.2007. – csa-chennai.org/Files/softpower.pdf; Shashi Tharoor Indian Strategic Power: 'Soft' // Global Brief, 13 May, 2009. – <http://globalbrief.ca/blog/2009/05/13/soft-is-the-word/>

Политика и общество 4 (112) • 2014

рале 2013 года. В ней говорится, что мягкая сила – это «комплексный инструментальный решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии»⁹. Ее появление (означающее, фактически, институализацию данного термина) в новой российской концепции внешней политики не случайно – уже невозможно игнорировать тот факт, что в современном мире мягкая сила становится одним из ключевых факторов и инструментов формирования международных отношений на всех уровнях мировой политической системы – от глобального до регионального и местного. Более того, все чаще звучит мнение о том, что мягкая сила является органическим атрибутом великих держав; государства, играющие в мировой политике второстепенные роли, собственным ресурсом мягкой силы, как правило, не обладают. Наличие мягкой силы выступает своеобразным маркером того, что ее источник – то или иное государство – стоит на пороге превращения в глобальную державу, имеющую глобальные интересы в различных регионах мира и готовую проводить глобальную внешнюю политику. Именно таким критериям сегодня, по мнению А.В. Будаева, генерального консула Российской Федерации в Рио-де-Жанейро, отвечает сегодня Бразилия, активно формирующая собственный формат мягкой силы, отличный от североамериканского, и не менее активно его реализующая в отношениях с другими странами, в том числе с Россией¹⁰. Появление в главных внешнеполитических документах России термина «мягкая сила» свидетельствует о том, что Россия намерена активно включиться в глобальные процессы формирования нового миропорядка, используя собственную модель «мягкого» политического воздействия. Не случайно Президент Российской Федерации В.В. Путин в послании к Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 г. заявил, что «в мире всё больше людей, поддерживающих нашу позицию по защите традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации, каждого народа: ценностей

традиционной семьи, подлинной человеческой жизни, в том числе и жизни религиозной, жизни не только материальной, но и духовной, ценностей гуманизма и разнообразия мира»¹¹.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что российское определение «мягкой силы», приведенное в новой редакции Концепции внешней политики России 2013 года, во многом совпадает с классическим американским определением публичной дипломатии: так, по мнению Э. Джуиллиона (1967 г.), публичная дипломатия – это «отношения между государствами, которые не задействуют традиционные связи правительств»¹². Случайность ли это, или это сделано намеренно, – сегодня судить трудно. Возможно, в момент генерации этого определения ноосферу замкнуло, и смыслы поменялись местами, дав оригинальное прочтение концепту мягкой силы. При этом стоит отметить, что путаница в смыслах вряд ли может привести к чему-либо хорошему для страны: разумный подход к точности формулировок требует, чтобы все в мире называлось своими именами. Если во внешней политике России сегодня понятие мягкой силы фактически подменено понятием американской публичной дипломатии, то именно публичная дипломатия и будет в России развиваться, а собственный формат мягкой силы так и не сформируется. Между тем, публичная дипломатия не может заменить мягкую силу, поскольку публичная дипломатия – всего лишь проводник мягкой силы, канал доведения «мягкого силового» воздействия до целевых аудиторий, не более того. Все это становится ясным, если подойти к анализу российской концепции мягкой силы (точнее, формирующихся сегодня основ этой концепции) с позиций ноосферного учения и его современного модернистского течения – ноовитизма, представляющего собой идеологическую систему, «основанную на стремлении обеспечить человеку и обществу разумный (рациональный, взвешенный) подход к жизни ... на Земле, а также к решению основных насущных проблем человека и общества»¹³. Таким образом, именно ноовитизм и разумный подход к российской

⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDDBF7DA644257B160051BF7F

¹⁰ Будаев А.В. Роль «мягкой силы» во внешней политике России (на примере российско-бразильских отношений). Автореферат дисс... канд. полит. наук. М.: ДА МИД РФ, 2014.

¹¹ Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию 12 декабря 2013 г. <http://www.kremlin.ru/news/19825>

¹² См.: Bardos A. Public Diplomacy: An Old Art, A new Profession // Virginia Quarterly Review, Summer 2001 // http://www.vgranline.org/articles/2001/summer/lardos_public?diplomacy

¹³ Бородин Е.А. Ноовитизм. Современное мировоззрение. М.: Грифон. 2012. С. 8.

мягкой силе позволяет правильно расставить акценты в тех процессах, которые сопровождают институализацию мягкой силы в российском внешнеполитическом пространстве.

В то же время в США споры вокруг роли мягкой силы в формировании и реализации внешней политики государства постепенно сходят на нет – мягкая сила в американском политическом дискурсе давно уже вытеснена новым концептом «умной силы», «smart power». По мнению американских ученых и исследователей, умная сила – это инструментарий внешнеполитического воздействия, предусматривающий разумное (почти на фундаменте ноосферного учения, проникшего и на Запад) сочетание ресурсов и инструментов «мягкой» и «жесткой силы»¹⁴. В упрощенном понимании она представляет собой комбинацию (а, точнее, симбиоз) двух более ранних форм инструментального воздействия на глобальные политические процессы – жесткой и мягкой силы. Объединяющим началом для использования этого арсенала (набора) инструментов политического воздействия является фактор разума, выбирающий из набора «жестких» и «мягких» инструментов тот, который в наибольшей степени соответствует текущей политической ситуации и решаемым в этих условиях задачам. Тем самым снимается извечная противоречивость и непоследовательность американской внешней политики, так хорошо проявившаяся в Ираке и Афганистане, в Центральной Азии¹⁵, причиной которой является конфликт интересов и ценностей, реализма и либерализма (в их последних версиях). При этом инструментарий мягкой и жесткой силы в «умном» подходе, по мнению ряда ученых, используется американцами в различных сочетаниях, разнообразных комбинированных схемах, а выбор «жесткого» или «мягкого» инструментария зависит от того, сколько времени отведено для решения той или иной внешнеполитической задачи¹⁶. Так, если необходимо получить конкретный результат в дан-

ной точке политического процесса, «здесь и сейчас», то нет ничего эффективнее жесткой силы, основанной на прямом, открытом силовом принуждении, с широким применением военных методов и способов «убеждения» оппонентов. Однако, результаты, достигаемые с помощью жесткой силы, недолговечны; их сохранение нуждается в постоянной силовой поддержке, постоянном внешнем давлении на общества, «вставшие на путь демократии», решительном силовом подавлении оппозиции. Как только такое внешнее давление будет снято, ситуация сразу же вернется к исходной точке политического процесса, в которой произошло внешнее вмешательство иностранного государства в форме жесткой силы. Примером такой ситуации можно назвать Афганистан, Ирак (с его нынешним шиитским правительством, выражающим дружеские чувства по отношению к Ирану). Если же время для подготовки внешнеполитической операции имеется, США используют мягкую силу, которая требует для подготовки к операции много времени, но при этом дает результаты, которые сохраняются неизменными в течение не менее длительного времени даже в том случае, если в регионе нет военных контингентов Соединенных Штатов, – то есть являются устойчивыми. Примером таких результатов применения англосаксонской мягкой силы являются некоторые политические режимы и их лидеры на пространстве СНГ и в Грузии, пришедшие к власти в результате так называемых цветных революций, которые являются на сегодняшний день наиболее ярким воплощением организационных технологий мягкой силы.

В качестве основной движущей силы «умного» воздействия выступает интеллектуальный подход к решению стратегических задач, как военных, так и политических, а кадры для «умной силы» американцы черпают в классической университетской среде¹⁷. Вместе с тем, ноосферная компонента североамериканской умной силы объективно ограничена англосаксонским культурно-цивилизационным сектором всеобщего знания, англосаксонской парадигмой и либерально-демократическим мировоззрением. Как показывают результаты внешней политики США в Азии, Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, где американцы так и не добились создания подлинно демократического общества (например, в Афганистане), англосаксонское мировоззрение не может слу-

¹⁴ Столетов О.В. Тренды трансформации властных отношений в мировой политике: smart power? // Полис, 2009, №4; Чихарев И.А. “Умная мощь” в арсенале мировой политики // Международные процессы, 2011, №1.

¹⁵ Николаев С.А. Центральная Азия в геополитике: американский вектор (1991-2008 гг.) // Международная жизнь. 2011. № 2. С.27-44.

¹⁶ Манойло А.В. Ценностные основы управления межцивилизационными конфликтами: российская модель. // Вестник Моск. ун-та. Серия 12. Политические науки. – 2012. – №3. – С. 89-92.

¹⁷ О “Умная мощь” в арсенале мировой политики // Международные процессы, 2011, №1.

Политика и общество 4 (112) • 2014

жить универсальной платформой для современных общественных формаций, требующих индивидуального подхода, основанного на знаниях и принципах разумной жизни. Более того, американский подход к формированию нового миропорядка несет в себе технологии трансформации политического пространства и демонтажа политических режимов, не вписывающихся в американскую модель демократии, которые разрушают ноосферную оболочку человеческой цивилизации, о которой так часто упоминал в своих работах выдающийся ученый В.И. Вернадский. Речь, конечно же, идет о нарастающей хаотизации международных отношений, и без того склонных к анархичности в силу эгоистического поведения акторов, и применения в интересах выстраивания нового мирового порядка англосаксонских технологий так называемого «управляемого хаоса».

Действительно, формирование нового многополярного мира сопровождается не столько повышением уровня мирового порядка, формализацией международных отношений и ростом структурированности современного мирового сообщества, сколько нарастанием глобальной политической нестабильности, множественностью международных конфликтов (как давно существующих, так и совершенно новых, проявляющих себя в целом спектре неизвестных ранее форм и оттенков) и политическим хаосом, охватывающим целые регионы по мере того, как по ним проходит волна новых цветных революций. Именно эти признаки мы имели возможность наблюдать в течение 2011-2013 гг. в Северной Африке и на Ближнем Востоке, в цепочке государственных переворотов, получивших общее название «Арабской весны» (этот уже вполне устоявшийся термин в дальнейшем мы будем использовать без кавычек). То, что революции Арабской весны представляют собой англосаксонские цветные революции, адаптированные под культурно-цивилизационную среду и условия традиционных восточных обществ, сегодня уже мало кем подвергается сомнению. Многие видят в этих псевдореволуциях ярко выраженный американский след, проступающий в использовании арабскими революционерами классических шаблонов, схем и сценариев цветных революций, разработанных американцами и имеющими характерные признаки, без труда выявляемые включенными наблюдателями. Тем не менее, в цветных революциях на арабском востоке настораживает не сам факт внешней организации государственных переворотов, а особые технологии, которые американцы ис-

пользуют для «атомизации» восточных обществ – для разрушения их кланово-родовой общинной структуры, превращения в сообщество индивидуумов, испуганных личностей, потерявших поддержку рода, под защитой которого они привыкли все время находиться. Эта защита, которой обеспечивают своих членов восточные общины, стоит непреодолимым барьером на пути технологий управления сознанием, которые просто не могут пробиться до сознания своих жертв и мишеней. В этом причина того, что классические англосаксонские технологии цветных революций, разработанные для обществ западного типа, демократических или полудемократических обществ потребления и победившего индивидуализма, оказывались неэффективными в иной культурной среде, например, в Иране. Обобщив опыт неудачной для американо-британцев «зеленой революции» в Иране 2009 года, США дополнили классические схемы цветных революций двумя важными компонентами, которые спустя каких-то два года полностью проявили себя на арабском востоке – технологиями управляемого хаоса и контролируемой цепной реакции с обратной связью, реализованных американцами в революциях Арабской весны. Сделано это для того, чтобы в условиях нарастающей политической нестабильности получить возможность управления целыми регионами – такими как Расширенный Ближний Восток, или только Арабский восток, включающий в себя Ближний, Средний Восток и часть Африки. Сама возможность управлять регионами с помощью любых, даже самых продвинутых, технологий, вызывает большое сомнение среди профессионалов-политологов и дипломатов, но американцы искренне верят в то, что такое возможно и обязательно у них получится. В своей уверенности в конечном результате они апеллируют к успешности цветных революций в Египте, Тунисе, Ливии, Йемене и ряде других стран, где насаждаемый ими политический хаос на первых этапах действительно проявлял определенные признаки управляемости. Между тем, ноосферный и ноовитический подходы к анализу данной ситуации дают прогноз развития ситуации в регионах, по которым прошли своим катком цветные революции, прямо противоположный ожиданиям Соединенных Штатов: разумный подход к организации жизни и политики не допускает сочетания созидания и разрушения, а также порядка, напрямую вытекающего из нарастающего «управляемого хаоса».

Важно отметить, что строительство нового мира американцы ведут с помощью технологий, не имею-

щих ничего общего с инструментами созидания, и заточенных только на разрушение – технологий управляемого хаоса, применяемых в условиях политических кризисов, уже существующей или специально созданной (искусственной) политической нестабильности. Это не случайно и имеет свое логичное объяснение: в англосаксонском понимании процесс построения демократического мира неразрывно связан с разрушением прежних структур Вестфальской системы, девальвацией ее ценностей и сознательным демонтажем институтов, таких как ООН. Все это не очень вяжется с формальной логикой и здравым смыслом, разумным устройством жизни, к которому стремится сегодня прогрессивное человечество. Кроме того, в своем стремлении переделать мир под собственные либерально-демократические стандарты американцы используют технологии хаоса, который они по своей наивности называют «управляемым». Это, в свою очередь, позволяет усомниться в том, что в основе англосаксонской внешней политики в качестве основной платформы лежит здравый смысл, разум, принципы разумного устройства жизни наций, народностей, этносов и отдельных личностей. Современная политика Соединенных Штатов в Афганистане, Ираке, на Ближнем Востоке и в Северной Африке, в отношении Ирана и, наконец, в отношении недавних событий в Украине очевидным образом противоречит основным принципам и законам ноосферной организации современного глобального общества. Все это выдвигает в мировую повестку дня актуальный вопрос о необходимости срочного поиска культурно-цивилизационной и духовно-ценностной платформы, которая могла бы заменить англосаксонскую идиому глобальной демократизации в фундаменте формирующегося многополярного мира или хотя бы составить ей конкурентную альтернативу. В нашем представлении, такой новой платформой должно стать ноосферное мировоззрение и ноовитизм – разумный подход к организации жизни человека и общества.

Для такого вывода есть определенные, довольно веские, основания.

Во-первых, ноосферное мировоззрение и ноовитизм как его концептуальное воплощение предполагают разумное преобразование существующего миропорядка и системы международных отношений, с тем, чтобы переход к новой архитектуре МО и их институциональному дизайну сопровождался ростом коллективного разума человеческой цивилизации. «Ноосфера, созданная в процессе эволюции природы и

человека, требует качественно нового подхода – глобального управления планетарными процессами»¹⁸, а система международных отношений и формирующийся миропорядок являются неотъемлемыми частями ноосферы и ноосферного бытия¹⁹.

Во-вторых, ноосферное мировоззрение рассматривает все человечество, все цивилизации и культуры как единую материю общечеловеческой цивилизации, которая, объединившись со знаниями (ноосферой), становится моделью космоса, вселенной. Эволюция современного мироустройства неразрывно связана с эволюцией человеческого разума, его способности принимать взвешенные решения и выбирать разумные альтернативы даже в условиях политического хаоса; трансформация мироустройства определяется объективным историческим процессом – гомеостазисом, в котором полюса многополярного мира играют роль основных констант, определяющих конфигурацию системы международных отношений. В этих условиях именно ноовитизм создает возможности для наиболее полной «реализации созидательного потенциала разума»²⁰. Американские идеи о всеобщей (принудительной) демократизации и повсеместном навязывании либерально-демократических ценностей с точки зрения ноосферного знания выглядят как специально наведенные помехи, вызывающие ответную реакцию укрепления горизонтальных связей в формирующемся мире и в мировой политике и активизирующие процессы активного «формирования ... единой разумной воли»²¹ общечеловеческой планетарной цивилизации.

В-третьих, идеи ноовитизма, базирующиеся на ноосферном знании, предполагают отрицание культурно-цивилизационной сегрегации и избранности западной англосаксонской цивилизации, которые лежат в основе современной западной либерально-демократической экспансии. Разумный подход к формированию нового миропорядка, идущего на смену распадающейся Вестфальской системе, проистекает из принципов разумной организации жизни и поэтому чрезвычайно востребован в тех обществах, которые стремятся про-

¹⁸ Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере. // Успехи современной биологии. 1944. Т. 18. Вып. 2. С. 1888-191.

¹⁹ Бородин Е.А. Ноовитизм. Современное мировоззрение. М.: Грифон. 2012. 240 с.

²⁰ Там же, с. 61.

²¹ Бородин Е.А. Ноовитизм. Современное мировоззрение. М.: Грифон. 2012. С. 9.

Политика и общество 4 (112) • 2014

тивостоять экспансии США и попыткам сохранить или даже реанимировать однополярный мир. Разум подсказывает, что время однополярности уже ушло, причем ушло безвозвратно. На смену ему идет гармонизация сосуществования человека и природы в особой природной среде – ноосфере.

Идеи нововитизма, базирующиеся на ноосферном мировоззрении, разумном подходе к современной глобальной политике и системе международных отношений, представляют глобальную ценность еще и потому, что это первая попытка выдвинуть реальную альтернативу идеологическим концепциям США, базирующимся на реализме, либерализме и конструктивизме – классических школах американской политической мысли. Это не только реальная альтернатива, но и альтернатива, наилучшая в пространстве ВАТ-НА, о которой так много пишут такие известные американские ученые-политологи как Фишер и Юри²². Эта альтернатива, добровольно (без навязывания, ненасильственно) предлагаемая политическим нациям и народам современного мира российской цивилизацией, лишена механизмов угнетения и принижения национального достоинства одних наций в пользу других, что так любят делать Соединенные Штаты. Ее мощная цивилизаторская сила связана с родившимися в недрах русского космизма великими концепциями и идеями В.И. Вернадского, являющимися органическим выражением надежд, чаяний и устремлений русского народа, и потому так отличаются от любых западных концепций демократии. По убеждению последователей ноосферного учения, «культивирование указанных выше качеств позволит встать человечеству на цивилизованный, или разумный, путь развития»²³. Система ценностей ноосферного учения и его современных течений, таких как ноовитизм, базирующаяся на исконных природных ценностях российской цивилизации, устойчива не подвержена дрейфу, в котором сегодня находятся базовые ценности и ценностные ориентиры западных демократий. Новые концепции и течения политической мысли, рождающиеся на фундаментальной основе ноосферного мышления и ноосферного мировоззрения (такие как ноовитизм), успешно развивают идеи В.И. Вернадского применительно к существующей сегодня реальной политической практике.

²² Лебедева М.М. *Мировая политика*. 2007.

²³ Бородин Е.А. *Введение в ноовитизм*. М.: Грифон. 2012. С. 62.

Библиография:

1. Концепция внешней политики Российской Федерации http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F
2. Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2013 г. <http://www.kremlin.ru/news/19825>
3. Бородин Е.А. Ноовитизм. Современное мировоззрение. М.: Грифон. 2012. 240 с.
4. Бородин Е.А. Введение в ноовитизм. М.: Грифон. 2012. 88 с.
5. Николаев С.А. Центральная Азия в геополитике: американский вектор (1991-2008 гг.) // *Международная жизнь*. 2011. № 2. С.27-44.
6. Цыганков А.П., Цыганков П.А. Кризис идеи «демократического мира» // *Международные процессы*. – 2005.-№3.
7. Будаев А.В. Роль «мягкой силы» во внешней политике России (на примере российско-бразильских отношений). Автореферат дисс....канд. полит. наук. М.: ДА МИД РФ, 2014.
8. Wendt A. Anarchy is What States Make of It: the Social Construction of Power Politics // *International Organization*. – Vol.46, no.2. – Spring 1992. – P.391-425.
9. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. – М.: «Наука», 1991.
10. Козиков И. А., Филос. воззрения В. И. Вернадского, М., 1963.
11. Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1991.-336 p.
12. Nye J.S. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York, 2004.-192 p.
13. Song L. The Discourse of EU
14. Cui Liru China
15. Лю Цзайци «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // *Полис. Политические исследования*.-№4, 2009. – С. 149 – 155.
16. Raghavan V.R. Soft Power in the Asia Pacific // *The Stanley Foundation*, 31.05.2007.-csa-chennai.org/Files/softpower.pdf; Shashi Tharoor *Indian Strategic Power: 'Soft'* // *Global Brief*, 13 May, 2009.-<http://globalbrief.ca/blog/2009/05/13/soft-is-the-word/>
17. Bardos A. Public Diplomacy: An Old Art, A new Profession // *Virginia Quarterly Review*, Summer 2001 // http://www.vgranline.org/articles/2001/summer/lardos_public?diplomacy
18. Столетов О.В. Тренды трансформации властных отношений в мировой политике: smart power? // *Полис*, 2009, №4.

19. Чихарев И.А. “Умная мощь” в арсенале мировой политики // *Международные процессы*, 2011, №1.
20. Манойло А.В. Ценностные основы управления межкультурными конфликтами: российская модель. // *Вестник Моск. ун-та. Серия 12. Политические науки.* – 2012.-№3. – С. 89-92.
21. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере. // *Успехи современной биологии.* 1944. Т. 18. Вып. 2. С. 1888-191.
22. Лебедева М.М. *Мировая политика.* 2007.
8. Kozikov I. A., *Filos. vozzreniya V. I. Vernadskogo*, M., 1963.
9. Nye J. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power.* New York: Basic Books, 1991.-336 p.
10. Nye J.S. *Soft Power. The Means to Success in World Politics.* New York, 2004.-192 p.
11. Song L. *The Discourse of EU*
12. Cui Liru *China*
13. Lyu Tszaitzi «Myagkaya sila» v strategii razvitiya Kitaya // *Polis. Politicheskie issledovaniya.* – №4, 2009. – S. 149 – 155.

References (transliteration):

1. Borodin E.A. *Noovitzizm. Sovremennoe mirovozzrenie.* M.: Grifon. 2012. 240 s.
2. Borodin E.A. *Vvedenie v noovitzizm.* M.: Grifon. 2012. 88 s.
3. Nikolaev S.A. *Tsentral'naya Aziya v geopolitike: amerikanskii vektor (1991-2008 gg.)* // *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2011. № 2. S.27-44.
4. Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. *Krizis idei «demokraticheskogo mira»*//*Mezhdunarodnye protsessy.* – 2005.-№3.
5. Budaev A.V. *Rol' «myagkoi sily» vo vneshnei politike Rossii (na primere rossiisko-brazil'skikh otnoshenii).* Avtoreferat diss....kand. polit. nauk. M.: DA MID RF, 2014.
6. Wendt A. *Anarchy is What States Make of It: the Social Construction of Power Politics* // *International Organization.* – Vol.46, no.2. – Spring 1992. – P.391-425.
7. Vernadskii V.I. *Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie.* – M.: «Nauka», 1991.
14. Raghavan V.R. *Soft Power in the Asia Pacific* // *The Stanley Foundation*, 31.05.2007.-csa-chennai.org/Files/softpower.pdf; Shashi Tharoor *Indian Strategic Power: 'Soft'* // *Global Brief*, 13 May, 2009.-<http://globalbrief.ca/blog/2009/05/13/soft-is-the-word/>
15. Bardos A. *Public Diplomacy: An Old Art, A new Profession* // *Virginia Quarterly Review*, Summer 2001 // http://www.vgranline.org/articles/2001/summer/lardos_public?diplomacy
16. Stoletov O.V. *Trendy transformatsii vlastnykh otnoshenii v mirovoi politike: smart power?* // *Polis*, 2009, №4.
17. Chikharev I.A. “Umnaya moshch'” v arsenale mirovoi politiki // *Mezhdunarodnye protsessy*, 2011, №1.
18. Manoilo A.V. *Tsennostnye osnovy upravleniya mezhtsivilizatsionnymi konfliktami: rossiiskaya model'.* // *Vestnik Mosk. un-ta. Seriya 12. Politicheskie nauki.* – 2012.-№3. – S. 89-92.
19. Vernadskii V.I. *Neskol'ko slov o noosfere.* // *Uspekhi sovremennoi biologii.* 1944. Т. 18. Vyp. 2. S. 1888-191.
20. Lebedeva M.M. *Mirovaya politika.* 2007.